

СТИХИЯ СЧАСТЬЯ

АЛЕНА БАБЕНКО

Странно. Вместе мы не снимались, не играли на сцене, не принимали участия в телепроектах, которые могли бы объединить нас. Познакомились года три назад в буфете на «Кинотавре», и возникло ощущение, что я знаю Алену Бабенко давно и очень хорошо! Вернее, не так – я ее хорошо чувствую. Я ее понимаю. Думаю, с таким ощущением живет каждый, кто хоть раз видел ее в кино, на экране, на сцене. Этот эффект родства – потерянное и забытое ощущение у артистов. Раньше так и было. Теперь все иначе. Но есть приятные исключения. Несомненно, Бабенко – это исключение.

ПРОЕКТ
АЛЕКСАНДРА ОЛЕШКО
ФОТОГРАФ: МИХАЭЛЬ ИВАНОВ
СТИЛИСТ: ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ

Благодарим «Балчуг Кемпински Москва»
(ул. Балчуг, д. 1)
за предоставленные для съемок апартаменты «Принцесса».

Знаешь, с чего начнем наш прекрасный разговор – с очень простого и одновременно сложного, неожиданного вопроса: «Ты счастлива?»

Я? Да. Думаю, что да.

Когда человек отвечает «думаю, что да», что значит слово «думаю»?

А потому что всегда хочется чего-нибудь еще. Всегда чего-то не хватает.

Поэтому кажется, что «я счастлив, конечно, но не до конца».

Но твоё представление о счастье менялось в процессе взросления – маленькой девочки, потом девушки, потом женщины, которая уже имеет детей – и сбылись ли какие-то твои мечты о счастье, например, детские? Что было для тебя счастьем тогда и что счастье сейчас?

Я тебе сразу скажу, что в детстве я точно не мечтала о счастье. Мне кажется, я даже этого слова не знала. Потому что детство само по себе радостное. Даже ты не осознаешь, что у тебя радостное детство. Только спустя годы можешь обнаружить, что у тебя тогда было счастье, радостное, беззаботное. Так что понятие счастья возникает где-нибудь после школы, когда ты →

← начинаешь переходить в какую-то самостоятельную жизнь.

Ну это все-таки общие слова. Хорошо, конкретизирую. Была ли ситуация в твоей жизни, когда тебя успокаивали друзья и подруги, а ты им говорила: «Вы не понимаете, я счастья хочу!»

Не-а.

А что такое счастье тогда? Объясню, почему я задаю этот вопрос именно тебе. Глядя на тебя в кино, я удивляюсь насколько ты удивительно точно, достоверно, нервно, открыто, без кожи, ранено играешь несчастье. Значит, человек, который так это может через себя протранслировать, должен понимать, что такое счастье и что такое несчастье. Поэтому я и спрашиваю у тебя, что такое счастье?

Счастье – это когда кончается несчастье. Я, знаешь, люблю, всякие личные какие-то обиды или истории переживаю до такой степени, что целиком погружаюсь в них, как в океан несчастья. И когда я оттуда выныриваю: словно до дна доходишь, а затем отталкиваешься от него ногами – и вот в этот момент понимаешь, что такое счастье. Очень люблю такие контрасты.

Что ты больше запоминаешь, хорошее или плохое?

Мне кажется, все, что я запоминаю, хорошее. Оно интересное, очень интересное, такое прямо интересное-интересное. Что тебя очень трогает? То, что впечатляет. Не так давно у меня был разговор с человеком, который удивлялся, как один артист не запомнил его богатого друга, у которого он работал десять лет назад в течение десяти дней. На каком-то частном пароходе с ним ходили, играли в футбол. А через десять лет его не вспомнил. Я пыталась объяснить, что у артиста такое свойство памяти: ему очень трудно запоминать такой объем информации. У него столько

Мне кажется, все, что я запоминаю, хорошее. Оно интересное, очень интересное, такое прямо интересное-интересное.

● СЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА КОНЧАЕТСЯ НЕСЧАСТЬЕ. Я ЛЮБЮ, ВСЯКИЕ ЛИЧНЫЕ ОБИДЫ ИЛИ ИСТОРИИ

ПЕРЕЖИВАЮ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ, ЧТО ЦЕЛИКОМ ПОГРУЖАЮСЬ В НИХ, КАК В ОКЕАН НЕСЧАСТЬЯ.

таких историй подобных было, что он мог и не вспомнить. Но люди обижаются на это. Но вот я могу в какой-то незнакомой компании оказаться, скажем. Там много людей. Я буду с ними весь вечер общаться, что-то делать. Но запомню маленького ребенка чьего-нибудь, причем, так и не узнав, как его зовут. Но

точно запомню, что он делал, как он говорил. И я на всю жизнь его запомню.

У тебя срабатывает какая-то внутренняя профессиональная «кнопка», сознательно или несознательно, какой-нибудь «диктофон», чтобы в акон-нибудь апогей радости или, наоборот, «нокдауна» ты думаешь: «Вот это

мне надо запомнить, я где-нибудь это использую?»

Я как раз пытаюсь это в себе воспитать. Каждый раз говорю себе: «Так, это я запомнила».

А ты себя иногда заставляешь приходить на съемочную площадку или для тебя это всегда радостный момент?

Ну нет, почему. Бывает, что ты не со-впал как-то и с режиссерами, и с партнерами и вообще тебе не очень понятно, что снимается. Иногда бывает очень грустно, но ты понимаешь, что должен работать.

А если сузить вопрос про счастье: а как актриса ты счастлива?

Нет. Ну что ты? Нет, нет.

Ну как «ну что ты»? Бывает, говорят: «Я довольна тем, что я имею».

Я недовольна, нет.

Хорошо, а вот объясни, почему тебя заставили поменять фамилию, была Барановой...

Почему заставили? Я замуж вышла.

Добровольно?

Да.

А имя?

А с именем такая штука была. Я переехала в Москву, и здесь в то время очень модным было имя Алена. И всех Лен почему-то звали Аленами. Имени Лена как будто вовсе не было.

У меня все-таки есть принцип в жизни: если очень хочется, но нельзя, то можно – просто надо это сделать, чтобы потом тебе не было обидно.

И даже некоторые Оли были Аленами. А в паспорте-то что написано у тебя? Елена, конечно же. И меня муж переименовал в Алену, говорит: «Будешь Аленой?» Я думаю: «Ну ладно, буду Аленой». Какое-то время он звал меня так, и в итоге прилипло. И все в Москве так Алена, Алена. А иногда, наоборот, встречаются люди, которые говорят: «Ну какая ты Алена? Ты Лена. А можно я тебя Леной буду звать?» Я отвечаю: «Да, конечно, можно». Меня звали Леной мои подруги, а так в основном все Аленой.

Быть актрисой в начале XXI века, хрупкой женщиной, матерью – это как,

сложно? Это интересно, мучительно, прикольно, вынуждено – как это?

Ну, для меня это больше интересно. Если я сейчас начну говорить, как это мучительно, то я не понимаю, зачем вообще этим заниматься? Да, иногда там бывает трудно. Я сейчас столкнулась с одним проектом, с пластическим спектаклем, где не говорят ни одного слова, а нужно все выражать телом. И меня разрывают два внутренних человека. С одной стороны, думаю: «Ну зачем тебе это надо? Ну вот зачем? Есть же какие-то нормальные пьесы, хорошие, тебе предлагают – играть. Вот во что ты ввязалась? Тебе

мало было двух «Ледниковых периодов»? Вот попереломалась вся». Но, с другой стороны, интересно ужасно. Я каждый раз мучаюсь: эти два человека со мной спорят, но побеждает, как правило, интерес. Я ничего с этим поделать не могу.

Я понимаю, что тебя уже все, кому не лень, достали этим вопросом, но давай просто выдержим уже как бы жанр интервью. Собственно, я про «Ледниковый период». Я просто помню и знаю, как ты везде говорила, что долго думала и за три дня втыгнула в проект. И на два года застряла в нем, и так отчаянно, честно, красиво... Украсила просто экран, лед... Вот тебе это как, что, зачем, почему?

Хорошо, что я это сделала. Вот хорошо. Сейчас я не жалею ни о чем. Потому что у меня все-таки есть принцип в жизни: если очень хочется, но нельзя, то можно – просто надо это сделать, чтобы потом тебе не было обидно. Плевать на всех вокруг, вот плевать. Если тебе хочется – обязательно это попробуй. Я ненавижу это чувство жалости, когда ты чего-то не сделал. Меня это потом гнетет. Вот это для меня настоящее несчастье.

А вот то, чем ты зарабатываешь, чем живешь, то, что является твоей работой – это для тебя просто работа или необходимый способ самовыражения, или нечто большее – какая-нибудь трибуна или возможность от чего-то освободиться, или, наоборот, стать собой?

Все, что ты сказал, наверное, – и есть для меня работа.

А ты для себя когда-нибудь, может быть, даже не специально, выбирала, какую-нибудь личность, которая тебя вдохновляла бы? Скажем, какую-то актрису...

У меня Пиаф всю жизнь была кумиром, с самого детства. Я больше никого не помню.

Тебя может кто-нибудь сбить с толку вот на работе?

Да, может. Многие вещи могут случиться. Ты просто даже с партнером можешь энергетически не совпасть, а у тебя какая-то откровенная сцена с ним – очень сложно переламывать себя. Для меня это огромная внутренняя работа.

Слушай, сейчас все поют. Я тоже этим грешу. Ну, обычно люди, которые не умеют что-то делать, больше всего

этого и хотят. Я всегда говорю, что у меня душа поет, и у меня нет намерений называть себя певцом. Но ты потрясающе поешь. Ты не думала в этом направлении, скажем, диск записать какой-нибудь?

Нет. Что касается пения, я давно для себя решила, что оно только в случае, если это будет востребовано в спектакле или в кино. Как бы тебе объяснить... У меня мама – музыкант, она преподает в музыкальном училище. То есть мама и ее родная сестра – они как бы профессиональные вот певицы. У них

взлететь над тучкой или его посадить мягко, я чувствую, что за моей спиной люди, ответственность. Передохнуть, набрать бензина и опять взлететь. Вот у меня такой образ жизни. И мало того, внутри этого самолета тоже существует жизнь, как в маленьком государстве, где есть расходы, доходы, понимаешь, да? Вот у тебя какой-то образ жизни есть?

У меня ощущение какое-то двойственное. Меня с детства преследует странная мечта – облететь земной шар на прозрачном шаре, непонятно чем

А Москва для тебя какого цвета? Москва? Москва... Не знаю, какая-то сейчас яркая. Она разная бывает.

Скажи, а какого цвета счастье? Мы начинали разговор про счастье. Какого цвета счастье?

Когда небо голубое, когда солнце желтое... Вот как цвета в природе...

Ты знаешь, было бы странно, если бы я тебе сказал: «Я тебе желаю голубого счастья».

Нет, это все как в природе. Вот такого цвета счастье. Кстати, зима в этом году для меня была настоящим сча-

НИКОГДА НЕ ГОВОРИТЕ «МНЕ ВСЕ РАВНО». ВОТ НЕСЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА «ВСЕ РАВНО»

хороший вокал, хорошо поют. И вот это ощущение, когда ты выходишь на сцену и поешь, должно быть уверенным с точки зрения профессионального пения. И это мне покоя не дает. Поэтому, допустим, спеть в концерте или записать диск – нет, у меня нет таких проблем, желаний.

Человек, режиссер, актер, космонавт, политик или личность, которую ты уважаешь, и встреча с которой что-то в тебе изменила, поменяла, кубики внутри переставила?

Наверное, это все-таки связано с моей профессией. Это Павел Григорьевич Чухрай, с которого все началось. А вот сейчас театр – Галина Борисовна Волчек. Это какие-то такие чудеса – два чуда в моей профессиональной жизни.

Когда речь идет о Волчек, всегда хочется задать вопрос тому, кто укрылся под ее крылом: а какой-нибудь советский, профессиональный, человеческий, женский, может быть, тебе дала Галина Борисовна? Она каждому из нас где-то когда-то случайно или специально бросала фразу, у каждого артиста есть такая фраза, с которой он живет и говорит: «Это мне Волчек сказала». Вот у тебя уже есть какой-нибудь ее совет, какая-нибудь мудрость, какое-нибудь слово?

Нет еще. Нет, пока не знаю. Помню какие-то фразы отдельные, но вот того, о чем ты говоришь, я не помню пока.

У тебя есть свой собственный образ, такая картинка жизни? Вот у меня, например, это самолет, который летит, иногда набирает скорость или входит в зону турбулентности, иногда уходит в тике, и я должен его выровнять со всей силой. И когда мне нужно

управляем – просто летишь на этом шаре и все. Так вот, иногда я себя вижу внутри этого шара в качестве наблюдателя за всем, что происходит где-то там... Словно я режиссер, который смотрит со стороны на кусочек жизни. А иногда я себя вижу участником этой жизни, и этот шар где-то далеко и вообще мне непонятен: почему он там летит? То есть я представляю, что там кто-то летит, в этом шаре, наблюдает за мной, а я тут копошусь, что-то делаю. Вот как-то так.

Продолжи фразу, пожалуйста, «Я люблю...»

Я люблю сына, люблю маму с папой, люблю зиму, я люблю... что я еще люблю? Много всего люблю. Я люблю много всего, люблю очень много.

«Не люблю...»

Не люблю... Не люблю не любить. Ненавижу. Понимаешь, о чем я говорю?

Очень хорошо понимаю. А продолжи фразу «Моя жизнь – это...»

Моя жизнь – это путь. Вот у меня ассоциация с дорогой сейчас возникла – сразу же, первое, что возникло.

Скажи, пожалуйста, твоя жизнь – она какого цвета? Ты ее как-нибудь видишь внутри? Ты вообще как с цветами?

Цветами балуюсь, да. Когда у меня роль, какой-то сценарий, и я играю на сцене, то примерно вижу цвета там. Даже не могу сказать, что это с связано с настроением. Ну, бывает, допустим, какая-то очень драматическая сцена, а мне видится оранжевый цвет. Я потом начинаю думать: «Почему оранжевый?»

Ну ты знаешь, что оранжевый – это цвет творчества?

Я вообще люблю два цвета: зеленый и оранжевый.

Вот белый снег... Я умираю, глядя на него. Не знаю, что происходит со мной. Я люблю иногда стихию. Вот счастье – это стихия какая-то. Я помню, в Москве был ураган жуткий, когда деревья повалило.

Да, срывало все, я помню тоже его очень хорошо.

Я выскочила на улицу, стояла босиком... Так лил этот потоп и скрывал аллею. У меня было ощущение счастья внутри. Вот когда такая жизнь, понимаешь? Я ненавижу и никогда не говорю «все равно». Есть, во-первых, выражение не «все равно», а «все едино». Я всегда всем советую: «Никогда не говорите “мне все равно”». Никогда! Даже когда вам предлагают на выбор чай – зеленый или черный? Всегда выбирайте. Вот с этих мелочей начинается твое счастье или несчастье.

Вот несчастье – это когда «все равно». Видишь, мы с тобой разговаривали, и я поняла: счастье – это когда не все равно. Ну что ж, отлично. Мы с чего начали – к тому и пришли, но пробрались к этому через... Какой-то путь.

...через путь, через свою жизнь, через свою работу. Я тебе очень признателен за это. За то, что ты как бы взяла за ручку да и прогулялась со мной. И я тебе желаю продолжения счастья, я тебе желаю присутствия тех цветов в твоей жизни, которые ты хочешь видеть, и я тебе желаю побольше быть на экране и на сцене, чтобы тебя видели люди, потому что люди должны видеть нечто талантливое. За сим всего доброго, до свидания.

До свидания. До свидания! Саша, спасибо тебе большое. У тебя какой-то талант проводника. 🙏